

КИРГИЗСКІЕ ОЧЕРКИ. (*)

IV.

Изъ Лепсинской станицы мы поѣхали въ Копаль опять-таки верхомъ. Останавливаясь въ аулахъ у людей разныхъ состояній и изучая, такимъ образомъ, киргизскую жизнь, мы ѣхали параллельно Алатавскому хребту, слѣдовательно и параллельно дорогѣ изъ Лепсы къ Гасфордовскому перевалу.

Страна, въ которой мы теперь находились, извѣстна въ Средней Азіи подъ именемъ Семирѣчья, Джиты-су. Семирѣченскій край граничитъ къ сѣверу балхашско-алаукульскою низиною и озеромъ Балхашемъ; на юго-западѣ граница будетъ идти по рѣкѣ Или, а на юго-востокѣ по джунгарскому Алатау. Въ очерченномъ пространствѣ протекаетъ семь рѣкъ, давшихъ названіе краю: Лепса, Басканъ, Сарканъ, Аксу, Біонъ, Каратагъ и Коксу, изъ которыхъ каждая беретъ начало въ вѣчныхъ снѣгахъ сѣверо-западнаго склона Алатау. Караваны, слѣдующіе изъ Средней Азіи, рассчитываютъ, что между Балхашемъ и Алатау имъ надобно перейти въ бродъ семь рѣкъ, которыя, во время таянія снѣговъ въ горахъ, обращаются въ стремительные потоки, опасные для переправы. Такая характеристическая особенность маршрута по странѣ, лежащей къ сѣверу отъ джунгарскаго Алатау, и заставила среднеазіятскихъ купцовъ отличать эту часть степей типическимъ именемъ Семирѣчья (**).

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., №№ 1, 6 и 7.

(**) Рѣка Или въ счетъ семи рѣкъ не входитъ. Она во всемъ отлична отъ семи горныхъ рѣкъ, поименованныхъ выше. Или значительно шире всѣхъ, глубже, никогда не переходима въ бродъ и судоходна отъ китайскаго города Кульджи до озера Балхаша, т. е. на разстояніи около 700 верстъ.

Переправившись черезъ нѣсколько рукавовъ рѣки Аксу, мы выѣхали на почтовую дорогу у Абакумовскаго пикета. Онъ названъ такъ по имени покойнаго командира 10-го казачьяго полка, подполковника Абакумова, бывшаго, въ то же время, и военно-окружнымъ начальникомъ Копальскаго округа. Когда русскія войска, переваливъ черезъ предгорія Алатавскаго хребта, основали, въ 1849 году, Копальское укрѣпленіе, необходимо было отыскать удобное и некружное сообщеніе между долиною Копалки и Семирѣченскимъ краемъ. Тогдашній генераль-губернаторъ Западной Сибири, генераль Гасфордъ, поручилъ командиру 10-го казачьяго полка, подполковнику Абакумову, разыскать этотъ путь. Его приказаніе было исполнено самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Близъ мѣста, гдѣ нынѣ построены Абакумовскій пикетъ, предгорія джунгарскаго Алатау понижаются и тянутся къ западу подъ именемъ Каратау (черныя горы). Здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, незначительный ручей, текущій въ Аксу, промылъ глубокую щель, которая была разработана Абакумовымъ и обращена въ удобную дорогу.

Съ Абакумовскаго пикета, удобно меблированнаго подполковникомъ Абакумовымъ на свой счетъ, мы стали подниматься въ гору. На нѣкоторой высотѣ дорога, полотно которой сложено мѣстами изъ плитняка, начинаетъ подниматься зигзагами. По бокамъ обрывисто поднимаются скалы, состоящія изъ кремнистаго сланца. Извилистая дорога терется впереди между скалъ, которыя задвигаются одна за другую, будто театральныя кулисы. Узорчатыми зубцами висѣла на нихъ оторочка изъ поломанныхъ сланцовъ, которые, смотря по повороту дороги, то показывали свою плоскую поверхность, треснувшую въ разныхъ направленіяхъ по прямымъ пересѣкающимся линіямъ, и тогда казалось, будто вся высокая стѣна сложена изъ правильно обточенныхъ камней; то они, т. е. сланцы, поворачивались ребромъ къ дорогѣ, обнаруживая тонкіе разноцвѣтные слои. Красота перевала увеличивается еще оттого, что сланцы обѣихъ стѣнъ, поднимающихся надъ дорогою, кирпичнаго цвѣта, вѣроятно отъ охры. По дорогѣ назадъ и впередъ тянулись обозы, ѣхали верховые киргизы, шли навьюченные верблюды; однимъ словомъ, перевалъ, какъ крагчайшій и удобнѣйшій доступъ въ Большую орду, очень оживленъ. Перевалъ названъ Гасфордовскимъ—честь, совершенно заслуженная быв-

шимъ генералъ-губернаторомъ за проведеніе такого капитальнаго пути. При этомъ нельзя забывать, что проложениіе перевала стоило всего 600 руб. сер., конечно, не считая труда золотыхъ рукъ русскаго солдата.

Съ вершины Каратау въ одну сторону открывается далекій видъ на безконечную степь, замыкаемую вдали какъ облачко синѣющими Арганатинскими горами; въ другую сторону, южную, была видна громадная линія джунгарскаго Алатау.

Въ Арасанскомъ выселкѣ, лежащемъ на южной покатости Каратау, насъ ждали тарантасы. Этотъ выселокъ весьма не великъ. Около протекаетъ неширокая, но быстрая рѣка Біонъ. На сѣверѣ отъ выселка поднимается темный Каратау, черезъ который мы перевалили; на югѣ нависаетъ надъ долиною Біона, во всей своей красотѣ, Алатау, коронованный вѣчными снѣгами. Около Арасанскаго выселка находятся сѣрные минеральные ключи (*). Арасанами, въ мѣстностяхъ, гдѣ кочевали прежде монгольскія племена, назывались всякія минеральныя воды. Слово „арасанъ“ монгольское, значитъ теплыя или, какъ переводятъ другіе, священные воды. Употребленіе водъ было извѣстнономадамъ, кочевавшимъ въ этихъ мѣстахъ. Калмыки и другія монгольскія племена строили у цѣлебныхъ источниковъ ванны, купались въ нихъ и ставили тутъ грубыя статуи и бурханы. Арасанскій сѣрный ключъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, лежитъ у южной покатости Каратау. Источникъ бьетъ изъ-подъ земли двумя ключами; въ одномъ, при выходѣ, $+28,5$ по Реомюру, въ другомъ $+27^{\circ}$. Источникъ обстроенъ зданіями; кругомъ разбитъ садикъ, въ которомъ принялись урюковыя (абрикосовыя) деревья, привезенныя изъ Кульджи.

Во время нашихъ странствованій по ауламъ, я чрезвычайно страдалъ отъ насѣкомыхъ, и „пѣхоты“, и кавалеріи“, которыми переполнена всякая киргизская юрта. Бывали ночи, въ теченіе которыхъ мои руки и ноги горѣли какъ въ огнѣ. Теперь, несмотря на холодную погоду, несмотря на то, что отъ Арасана намъ нужно было ѣхать далѣе въ тарантасѣ, я рѣшился идти выкупаться въ сѣрный источникъ. Самый источникъ глубиною

(*) По разложенію доктора Залуговскаго, оба арасанскіе ключа одинаковы и состоятъ изъ сѣрнистаго газа, сѣрной кислоты въ свободномъ состояніи, угольной кислоты, сѣры, кремнезема, сѣрнокислыхъ: магнезин, натра, кали; хлористаго магнія, кальція и хлористаго натрія. См. „Арасанскіе минеральныя ключи въ Семицалатинской“ области. Н. Абрамова. Изданіе географическаго общества 1858 года. № 6.

до $1\frac{3}{4}$ аршина. Опаловый цвѣтъ минеральной воды очень красивъ; газы выходятъ непрерывно на поверхность въ видѣ пузырьковъ, распространяя запахъ сѣрнистаго водорода. При вѣшней температурѣ въ $1,5^\circ$, термометръ, опущенный въ источникъ, показалъ $25,5^\circ$. Къ ночи того же числа мы были въ Копалѣ.

Копалъ лежитъ у подошвы джунгарскаго Алатау, на плоскогоріи въ 3,200 футовъ абсолютной высоты. По близости протекають рѣчка Копалка и ручей Тамбичулакъ. Копалъ основанъ въ 1849 году съ тою цѣлю, чтобы поддерживать порядокъ въ Большой ордѣ, подчинившейся три года тому назадъ. Первоначально населеніе состояло изъ двухъ сотенъ казачьяго полка, который подполковникъ Абакумовъ привелъ съ бійской линіи (*). Потомъ въ новой станицѣ поселились разночинцы, татары и ташкинцы. Въ 1854 году Копальская станица переименована въ городъ, большой и чистый для степи. Казачья слобода, разбросанная на лѣвомъ берегу Тамчибулака, велика и опрятна; только обиліе сазовъ (горныхъ болотъ), образовавшихся посреди самой станицы, производитъ упорныя лихорадки. Крѣпостца лежитъ за городомъ и болѣе чѣмъ сильна для степей и такихъ непріятелей, какъ среднеазіятскіе номады. Татарская слободка хорошо отстроена. Торговые ряды, лежащіе между крѣпостію, казачьею слободою и городомъ, довольно грязны; но чрезвычайно важно то, что въ нихъ замѣтна кое-какая дѣятельность (**).

Въ исторіи развитія Копала замѣчается странная непоследовательность. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего основанія, онъ былъ, относительно, уже довольно значительнымъ пунктомъ. Затѣмъ послѣдовалъ нѣкоторый застой; теперь же являються симптомы упадка. Это зависитъ отъ многихъ временныхъ и постоянно дѣйствующихъ причинъ. Къ числу первыхъ нужно отнести возстаніе мусульманъ или дунгеной въ запад-

(*) Изъ полка, пришедшаго съ бійской линіи съ Абакумовымъ, двѣ сотни были поселены въ Копалѣ, двѣ сотни въ Кокпектахъ и двѣ въ Аягузѣ (нынѣшнѣмъ Сергіополѣ); остальные двѣ сотни было предположено поселить на Каратаѣ, но это предположеніе отменено. Потому одна сотня отправлена въ Кокпекты, другая въ Копалѣ. Впослѣдствіи кокпектинскія сотни перечислены въ другой полкъ.

(**) Въ 1863 году въ Копалѣ считалось 5,988 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 3,794 мужскаго пола. Магометанъ было 689 человекъ. Главный предметъ занятія жителей—земледѣліе. Въ городѣ православныхъ церквей 2, мечеть 1, домовъ 613, лавокъ 20. Ежегодный оборотъ Копала доходитъ до 500,000 р. сер.

номъ Китаѣ, уничтожившее всякую торговлю съ Китаемъ. Нѣкоторыя изъ другихъ причинъ, дѣйствующихъ невыгодно на развитіе Копала, могли бы быть устранены. Когда мы заняли Копаль, всё покатоности окрестныхъ горъ были покрыты густымъ лѣсомъ. Первые колонисты безжалостно валили столѣтнихъ исполиновъ, чтобы построить дома, загоны, бани, риги, даже заборы изъ толстыхъ срубовъ. Когда ближайшіе лѣса были уничтожены дотла, до выкопанныхъ корней, такъ что человекъ, придя на мѣсто, гдѣ прежде росъ лѣсъ, не видитъ ни одного прутика, стали ѣздить за лѣсомъ далѣе въ горы. Теперь лѣсные дачи Копала лежатъ за 25 верстъ отъ города, въ трудно-доступныхъ ущельяхъ, служащихъ источниками обѣимъ Копалкамъ.

Всѣмъ извѣстно, что влажность воздуха, имѣющая огромное вліяніе на развитіе растительности, увеличивается или уменьшается въ пропорціи съ количествомъ лѣсовъ. Стоитъ истребить лѣса какой-нибудь страны, и средняя влажность воздуха этой страны непременно уменьшится. Слѣдовательно на лѣса, тамъ, гдѣ ихъ мало, нельзя смотрѣть какъ на строевой матеріалъ или топливо, потому что, спасая подобныя страны отъ засухъ, они обезпечиваютъ въ нихъ успѣхи прогресса и цивилизаціи. Исторія народовъ, обитающихъ въ безлѣсныхъ странахъ Средней Азіи, есть исторія людей, немогущихъ быть земледѣльцами, по неспособности земли, ими обитаемой, къ культурѣ. Неспособность же эта зависить отъ излишней сухости воздуха.

Миссіонеръ Гюкъ, описывая свое путешествіе по Татаріи, упоминаетъ о странѣ, обитаемой монгольскимъ племенемъ уніотъ. Эта страна, по его словамъ, была богата до XVII столѣтія, когда сюда стали проникать китайцы. Получивъ, за небольшую плату, право рубить деревья, они истребили всё лѣса, росшіе въ изобиліи по горнымъ покатоностямъ, и тѣмъ измѣнили видъ страны. Съ тѣхъ поръ Уніотъ стала едва обитаемою пустынею. По вырубленіи лѣсовъ, здѣсь начали свирѣпствовать сильныя вѣтры, иссушающіе почву. Странныя засухи смѣняются ливнями, которые покрываютъ плодородную землю и пашни слоемъ грязи и голышами. Гюкъ, совершенно справедливо, приписываетъ и неправильность временъ года, замѣченную имъ въ Уніотъ, опустошенію, произведенному китайцами. Теперь здѣсь встрѣчаются развалины значительныхъ

городовъ и замковъ, похожихъ, по словамъ мисіонера, на средневѣковыя постройки европейцевъ, а страна имѣетъ бѣдное китайское населеніе, судьба котораго обусловливается недружелюбными силами искаженной природы.

Чарльзъ Дарвинъ говоритъ, что на островѣ С.-Яго (архипелага Зеленаго мыса), „въ эпоху его открытія, ближайшія окрестности Порто-Праля были покрыты деревьями; но ихъ безразсудно уничтожили, что повело за собою, какъ и на св. Еленѣ и на нѣкоторыхъ Камарскихъ островахъ, совершенное безплодіе“ (*). Законъ соотношенія дѣсовъ съ гигрометрическимъ состояніемъ воздуха одинаково вѣренъ повсемѣстно. На границѣ же степей, тамъ, гдѣ иссушающее вліяніе степнаго воздуха не допускаетъ вырости дѣса, разъ вырубленные, безрасчетливое истребленіе ихъ есть посягательство на будущность страны и на благія начинанія правительства. Такимъ образомъ, если мѣстность, окружающая Копалъ, пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе степной характеръ, если природа бѣднѣетъ, если замѣчательное изобиліе, найденное здѣсь первыми колонистами, исчезаетъ и, по словамъ казаковъ, замѣняется оскуднѣніемъ, виноваты въ томъ сами казаки и мѣстные власти.

Нельзя умолчать, что печальный фактъ истребленія дѣсовъ, гдѣ они есть, замѣчается во всѣхъ степяхъ сибирскаго вѣдомства. Кочетавъ, Баянъ-Ауль, Каркаралы, въ области Сибирскихъ киргизовъ, Сергіополь, Копалъ и Вѣрное, въ Семипалатинской области, построены въ мѣстностяхъ, гдѣ было много дѣса или достаточное его количество. Теперь, благодаря нерасчетливости въ пользованіи дѣсомъ, большая часть упомянутыхъ пунктовъ страдаютъ уже недостаткомъ топлива. На мѣстѣ вырубленныхъ участковъ дѣса не сѣялись. Между тѣмъ, съ истребленными дѣсами пропало много производительныхъ силъ у степной природы, отнято много отъ будущности нашихъ колоній. Нельзя не подумать о томъ, что случится, когда весь дѣсъ будетъ истребленъ вблизи нашихъ колоній.

Окончивъ свои дѣла въ Копалѣ, мы рѣшились отправиться въ горы, чтобы осмотрѣть долину рѣки Коры, которая считается у киргизовъ чрезвычайно удобнымъ мѣстомъ для лѣтнихъ. Провожать насъ вызвались два копальскіе казака, Фоккинъ и Бедаревъ, оба основательно знающіе горы.

(*) „Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль“.

Отставной урядникъ Фокинъ замѣчательный человѣкъ. Имѣя хорошія практическія свѣдѣнія объ алатавской фаунѣ, Фокинъ пристрастился къ собиранію рѣдкихъ звѣрей и птицъ, препарировать шкурки которыхъ онъ выучился въ совершенствѣ. Между „сѣкомыми“, которыхъ Фокинъ умѣетъ ловко прикалывать, онъ тоже безошибочно отличаетъ рѣдкіе экземпляры. При жизни Абакумова, Фокинъ состоялъ при немъ въ качествѣ практическаго зоолога. Благодаря страсти и знаніямъ этого казака, Абакумовъ былъ въ состояніи отправить въ Императорскій публичный музей нѣсколько весьма рѣдкихъ и цѣнныхъ зоологическихъ экземпляровъ. Теперь Фокинъ составилъ артель съ Ведаревымъ. Они ѣздятъ вмѣстѣ „на промыселъ“, т. е. на охоту за большимъ звѣремъ, и тѣмъ содержать свои семейства. Оба — чистокровные немроды, мускулистые, неутомимые, несмотря на царапины, оставленныя имъ на память кабанамъ. Оружіе ихъ состоитъ изъ винтовокъ допотопной конструкціи. Впрочемъ, тотъ ошибется, кто вздумаетъ смѣяться надъ этими винтовками. Хотя ложа и курокъ и сфабрикованы какимъ-то копальскимъ Лебедею, за то стволъ бьетъ вѣрно, потому что достался охотникамъ отъ тѣхъ отличныхъ винтовокъ, которыми, при Екатеринѣ II, были вооружены тогдашнія егерскія войска.

Чтобы охарактеризовать подробнѣе горы, буду продолжать словами моего дневника.

24-ю октября... Пообѣдавъ раньше другихъ, мы отправились въ горы, чтобы переночевать близъ истоковъ Копалки, въ избушкѣ дровосѣковъ и, до разсвѣта, ѣхать далѣе къ Корѣ. Когда мы сѣли на лошадей, т. е. около двухъ часовъ пополудни, термометръ показывалъ $+11^{\circ}$.

Отъ самой казачьей слободы мѣстность постепенно поднимается. У самыхъ горъ мы переѣхали черезъ рѣчку Большую Копалку, которой русло завалено гранитными валунами. Послѣ, долиною же Копалки, мы вступили въ горы. Ущелье, довольно широкое при устьѣ, постепенно суживается и стѣсняется высокими скалами. Темныя сланцевыя породы торчали зубьями изъ бурой осенней зелени; въ другихъ же мѣстахъ, по каменистымъ обрывамъ скалъ, трава едва находила землю для своего произрастанія на приступкахъ и по осыпямъ. Между скалъ прыгала по ступенямъ и камнямъ рѣченка, по самому берегу которой мы теперь ѣхали. Было очень странно

слышать громкій и сердитый шумъ ничтожной Копалки, которая въ этомъ мѣстѣ могла бы быть вся пропущена сквозь сороковую бочку. Изъ-за изгибовъ ущелья повременамъ выглядывали аулы, прикурнувшіе къ скаламъ. Увидя верховыхъ, аульныя собаки съ остервенѣніемъ цѣплялись за хвосты лошадей.

Тамъ, гдѣ сланцы скалъ скрывались подъ дерномъ, на крутыхъ косогорахъ виднѣлось множество тропинокъ, вьющихся параллельно дорогѣ. Эти тропинки проложены киргизами, потому что киргизы не любятъ ѣздить по кара-джолъ, т. е. по черной или колесной дорогѣ. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ торной колесной дороги, а существуетъ тропинка, протоптанная около горы верховыми, настоящій киргизъ предпочтетъ поѣхать по косогору, какъ бы онъ крутъ ни былъ. Отчего такое предпочтеніе опасному пути, не знаю; вѣроятно, тому причиною дикое удалъство. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что джигитъ не поѣдетъ по низовой дорогѣ, если его лошадь можетъ лѣпиться по косогору.

Тамъ, гдѣ съ ущельемъ Большой Копалки соединяется другое, по которому шумитъ Малая Копалка, мы стали подниматься на скалу, образующую мысъ между обѣими долинами. Съ вершины этой скалы, по обѣимъ сторонамъ, видны двѣ пропасти, будто прорѣзанныя въ горныхъ породахъ чернаго цвѣта. На днѣ ихъ, по сѣрому каменистому дну, бѣгутъ, прыгая съ пороговъ на пороги, съ каменьевъ на каменья, двѣ быстрыя рѣченки, оглашая окрестныя горы и ущелья громкимъ шумомъ и ревомъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, день потухалъ и солнце скрывалось за горами. Небо, залитое огнемъ на закатѣ, съ приближеніемъ къ востоку, темнѣло густымъ фіолетовымъ цвѣтомъ. Для глубокой долины, въ которой расположенъ Копаль, наступаютъ сумерки. Темная мгла какъ флеромъ затягиваетъ долъ и скрываетъ отъ нашихъ глазъ городъ; но въ то же время горныя вершины, висящія надъ нами, и далекій Каратау еще освѣщены яркими солнечными лучами. Мы остановились, чтобы дать вздохнуть лошадямъ, измученнымъ труднымъ подъемомъ. Около насъ, по обрывистымъ покостямъ, стоятъ стройныя пирамидальныя пихты, производящія грустное, безотрадное впечатлѣніе. Гдѣ-то далеко внизу шумитъ потокъ, и выразительный его говоръ слышится

посреди тишины, господствующей въ горахъ. Отъ того мѣста, гдѣ мы остановились, идетъ внизъ далекая покатость, переломленная оврагами, долинами, высотами, лежащими теперь ниже насъ и потому кажущимися однообразнымъ спускомъ внизъ. Странная игра яркаго свѣта и тѣни на граняхъ обрывовъ и покатостей, безмолвныя ущелья, обставленные неподвижными пихтами, далекій ропотъ потока, прерывающій тишину будто за тѣмъ, чтобы еще сильнѣе выразить мертвое спокойствіе горъ, все это вмѣстѣ такъ подавляло своимъ величіемъ, что никто изъ насъ не проронилъ ни одного слова во время привала.

Вдали постепенно гаснутъ верушки Каратау; кромѣшная мгла застилаетъ долину, гдѣ стоитъ Копаль. Темнота поднимается по покатостямъ, укутываетъ окрестность въ туманъ, но высочайшія вершины облиты еще яркимъ свѣтомъ и горятъ надъ нашими головами точно свѣчи. Гаснутъ и они. Кругомъ становится темно, тогда какъ на западной окраинѣ неба видна еще свѣтлая заря. Контрастъ черной непроницаемой тмы внизу и яркаго свѣта на западѣ поразителенъ.

Лошади отдохнули. Нужно добраться до избушки, куда еще видно кое-какъ. Мы спускаемся въ какіе-то овраги, карабкаемся на крутые подъемы, ѣдемъ по косогорамъ съ далеко идущими внизъ покатостями. Фокинъ безмолвно движется впереди, значить ѣхать можно безопасно. Темнѣетъ совершенно. Отсутствие свѣта увеличиваетъ кажущуюся опасность пути. Каждый косогоръ кажется обрывистою покатостію, каждый обрывъ — бездонною пропастію. Мы подвѣзаемъ къ крутому спуску. Лошадь начинаетъ идти чуть не сядя на крупъ. Сколько можно разсмотрѣть, внизу чернѣетъ что-то очень глубокое и страшное. Передовой казакъ останавливается и слѣзаетъ съ лошади, чтобы осмотрѣть обрывъ. Осмотръ убѣждаетъ, что мѣстность идетъ очень круто книзу, къ недосыгаемому ручью, который шумитъ на днѣ долины, и что избушка, которую мы ищемъ, должно быть, перенесена въ другую щель, гдѣ болѣе лѣса. На основаніи такого донесенія, мы рѣшаемся ночевать тамъ, гдѣ стоимъ, благо нельзя было ждать снѣжнаго бурана. Казаки выбрали мѣсто, съ котораго сдуло весь снѣгъ, сняли вьюки, разложили костеръ и наполнили чайникъ, за неимѣніемъ воды, снѣгомъ.

Когда поднялась луна и освѣтила окружающую мѣстность, передъ нами открылся превосходный горный пейзажъ. Неда-

леко отъ костра, съ правой стороны, глубокая трещина, замкнутая у вершины горы, близъ которой она начинается, огромнымъ камнемъ. Щели долины обросли хвойнымъ боромъ. На другой ея сторонѣ поднимаются вершины, занесенныя снѣгомъ. Отъ одной изъ нихъ идетъ обрывистая покатость до самаго дна щели; отъ другой тянется длинный спускъ, уставленный пихтами, точно частою щетиною. Съ другихъ сторонъ неопредѣленные подъемы и возвышенія. Внизу, чуть не подъ самыми ногами, Ковальская долина, гдѣ изрѣдка бѣгаютъ и мигаютъ огоньки.

Окончивъ чай, мы завернулись въ одѣяла и придвинулись къ огромному костру вереска, который трещалъ и дымился на славу. Кругомъ стояли лошади. Ихъ морды, полуопущенныя къ землѣ, были ярко освѣщены, тогда какъ остальные части тѣла чуть видѣлись. Посогрѣвшись у огня, лошади скоро разбрелись по покатосямъ, добывая изъ-подъ снѣга скудную траву. „Стреножь покрѣпче лошадей, а то, пожалуй, ихъ воли съвѣдать.“ — „Здѣсь нѣту теперича волковъ“, отозвался Бедаревъ, послѣ выдержки, необходимой для того, чтобы отжевать кусокъ хлѣба. „Вотъ какъ прикочуютъ на Кору киргизцы, такъ и волковъ приведутъ съ собою; тогда ихъ будетъ пропасть.“

— Какой же тутъ звѣрь постоянно держится?

— По времени всякій.

Окончивъ послѣдній стаканъ чаю, Бедаревъ съ шопотомъ и вздохами положилъ нѣсколько крестовъ по направленію востока, потомъ сѣлъ на корточкахъ къ огню и, протянувъ къ нему руки, продолжалъ:

— Прежде, когда лѣса еще не срубили, по щекамъ въ обѣихъ Бопалкахъ, водились кабаны, маралы, архары; держался тутъ и черный звѣрь. А какъ почали лѣсъ счищать, такъ всѣхъ звѣрей прогнали. И то сказать, не однимъ топоромъ пужали звѣря. Видитъ марала или кабана — ну и выстрѣлитъ. Поранилъ либо нѣтъ, а только звѣрь сталъ опасаться этихъ мѣстовъ. Теперь мы на промыселъ ходимъ за Каратау, верстъ 80 отсюда будетъ: тамъ по камышамъ еще много кабановъ. А черный звѣрь перевалилъ за эти горы и больше на Корѣ держится. Еще не такъ давно, по времени, онъ и тутъ высыпалъ. Разъ, не забуду, ходилъ я на промыселъ съ Зеленцовымъ, Иваномъ. Таскались мы, таскались и по камышамъ, и по сазамъ—нѣтъ какъ нѣтъ кабановъ. Что, молъ,

говору Зеленцову, никакъ пора въ станицу? Поѣхали; онъ напередъ. Пониже этой самой горы примѣчаю по косогору: никакъ звѣрь какой ходить. Сталъ я смотрѣть туда.—„Видишь ты что али нѣтъ?“ обозвалъ меня Зеленцовъ.—„Какъ, молъ, не видѣть: звѣря вижу. Должно, кабаны ходить. „Слѣзали мы съ лошадей; связали ихъ; запримѣтили вѣрно мѣсто, гдѣ звѣрь ходить, и пошли скрадывать изъ-за бугра. Подползли. Сталъ я потихоньку голову поднимать—вижу, черный звѣрь. А тутъ Зеленцовъ подползъ. „Это, говорю, медвѣдь.“—Сталъ опять высматривать. Ходить подальше другой звѣрь да землю передними лапами роетъ, черный корень изъ-подъ земли достаетъ. А какъ глянулъ маненько дальше, вижу еще звѣрь ходить, землю копаешь—трое значить. Смотрю на Зеленцова, вижу, тоже запримѣтилъ.—„Какъ теперь стрѣлять? разомъ али нѣтъ?“—„Ты не стрѣлай—говорить—чтобъ винтовка наготовѣ была. „Я выстрѣлю.“—Какъ это онъ спустилъ, всѣ медвѣди разомъ, словно имъ кто скомандовалъ, къ намъ на бугоръ и выскочили... были ли на 20 шагахъ отъ насъ, али нѣтъ? Я, говорю: „Иванъ Матвѣичъ, стрѣлять буду.“—„Не смѣй—говорить—стрѣлять; реви, говорить.“—Признаться, въ та поры меня звѣрь еще никогда не пужалъ; а Зеленцовъ былъ мятый человѣкъ, потому мучился цѣлый годъ отъ этого, отъ самаго, черного звѣря. — „Стрѣлять, говорю, буду.“ — „Боже тебя оборони, говорить. Не стрѣлай! реви!“—Какъ почали мы реветъ, стали звѣри подыргивать ла заднія лапы да заглядывать на насъ, а потомъ побѣжали. Много ли, мало ли времени это у насъ отняло, только видимъ на долу темень пошла: не доѣхать, значить, нонѣ до Копала. Стали мы на ночлегъ собираться. Только развели костеръ, слышимъ: здоровенный камень съ горы шлепъ; по малости времени — другой. Что, молъ, за шуть потѣшается; еще, пожалуй, голову проломить. Стали мы смотрѣть: видимъ, по самой шишкѣ звѣрье ходить.—„Пойдемъ—говорю—Иванъ Матвѣичъ: теперь ихъ съ той стороны знатно взять“, а самъ вижу, что на Зеленцовѣ лица нѣтъ. „Постой—говорить—дай стрѣльну отседева; только ты опять не стрѣлай.“ Далъ онъ выпалъ. Пропали звѣри. Такъ и тутъ, проклятые, почитай цѣлую ночь покоя не давали: все кругомъ костра плялись да ревели. На утро стали слѣдъ смотрѣть—видимъ, застылъ... Должно, передъ разсвѣтомъ ушли.

25-ю октября. Вчера заснулъ не гомню какъ. Кругомъ

костра долго сидѣли трое казаковъ, разговарившійся про предметы, какъ нельзя болѣе идущіе къ дикой природѣ, окружающей насъ. Ирѣдка разговоръ прерывался возгласомъ одного изъ собесѣдниковъ, обращеннымъ къ лошадямъ. Стой ты, гнѣдой чортъ! Нейдется тебѣ! — „Пономаревъ—говорить Фокинъ молодому казаку, который ѣздилъ съ нами въ качествѣ владѣтеля нанятыхъ лошадей — возьми арканъ да живой рукою сбѣгай за лошадьми. Вишь ихъ чортъ куда унесъ! Чтобъ въ станицу не ушли!“

Изъ-подъ одѣяла, которымъ былъ укутанъ, я смотрѣлъ на дымъ, поднимавшійся высокимъ столбомъ, на огонь костра, на рѣзкія фигуры казаковъ, сидѣвшихъ кругомъ на корточкахъ, на безлюдныя, молчаливыя горы и чувствовалъ, что нахожусь въ Средней Азіи. Слушая суровые рассказы нашихъ товарищей объ охотѣ за дикими звѣрями, о трудныхъ экспедиціяхъ противъ дикарей, объ основаніи колоній, я сознавалъ, что подобныя рассказы могутъ зародиться только на окраинѣ странъ, гдѣ сила должна идти впереди цивилизаціи. Потомъ мнѣ пришла въ голову другая часть свѣта, богатая, одаренная всѣмъ, что только можетъ дать природа, но гдѣ, какъ и тутъ, необходимы эти желѣзные типы, эти предтечи цивилизаціи, чтобы расчистить мѣста для колонизаціи въ безконечныхъ степяхъ, тянущихся къ западу отъ Миссисипи. Жалко, что у насъ нѣтъ Купера, который могъ бы увѣковѣчить типы, подобныя Фокину и Бедареву, потому что эти типы должны скоро исчезнуть въ степяхъ, какъ исчезли въ Сибири люди, созданные Ермакомъ Тимоѣевичемъ съ товарищами...

Ночью у меня страшно иззябли ноги. Я это чувствовалъ, мучился, но не имѣлъ силъ проснуться. Чуть забѣлѣлъ востокъ, меня разбудилъ Г. Кругомъ лежала еще ночь. Луна склонялась на западъ, освѣщая вершины, ущелье, длинную покатость съ пихтами, бросавшими черныя тѣни, и глубокую долину, гдѣ лежитъ Копаль. Довольно сильный холодный вѣтеръ, предвѣстникъ скорого восхода, подулъ съ вершинъ, метя снѣгъ по покатосямъ. Казаки поднимались одинъ за другимъ изъ-подъ потниковъ, которыми были покрыты, и брели на ближайшую сопку за верескомъ. Вскорѣ вспыхнулъ высокій огонь, раздуваемый порывами утренняго вѣтра.

Солнце начало освѣщать вершины Каратау и потомъ разомъ облило яркимъ свѣтомъ всю Копальскую долину. Немного

погода, на самомъ верху сосѣдной высоты, закрытой до тѣхъ поръ отъ солнца другими горами, заблесталъ камень, выгладывавшій изъ-подъ снѣга; потомъ свѣтоносная горизонталь стала опускаться ниже и ниже и охватила весь горный хребетъ. Пора въ путь... Лошади навьючены, и каждый поѣхалъ своею дорожку: мой товарищъ въ долину Малой Копалки, я съ Фокинымъ и Бедаревымъ въ долину Коры. Сначала мнѣ пришлось ѣхать по обширнымъ, покрытымъ весьма глубокимъ снѣгомъ, полянамъ, тянущимся отъ одной вершины до другой. На высшихъ пунктахъ горъ или, говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ, на мыскахъ, лежали груды полуразрушившагося порфира. Мѣстами отъ вершинъ бѣжали глубокія трещины, которыя, сходясь вмѣстѣ, образовывали глубокую долину Большой Копалки. Кое-гдѣ покатоги поросли стройными пихтами, растущими на джунгарскомъ Алатау, между 6,000 и 8,000 футовъ высоты. Выше зоны пихтъ поднимаются лишенные растительности каменные гольцы, достигающіе вѣчнаго снѣга на высотѣ 10,000 футовъ. Предѣльная высота, до которой поднимаются вершины джунгарскаго Алатау, достигаетъ 13,000 футовъ.

Вскорѣ изъ-за окрестныхъ горъ стали показываться вершины громаднаго хребта, поднимающагося по ту сторону долины рѣки Коры. Мы ѣхали направляясь на него. Но едва Бедаревъ, бывший впереди, приблизился къ окраинѣ горъ, какъ бросился съ лошади и, согнувшись, пошелъ впередъ, увязая въ глубокомъ снѣгу. Черезъ секунду онъ спрятался за камень и звалъ рукою Фокина. Пошелъ и я. — „Поднимайте тихонько голову изъ-за камня: внизу пасутся архары (*ovis argali*).“ — Исполнивъ совѣтъ Бедарева, я увидѣлъ внизу, саженьхъ въ 300 или 400, стадо большихъ животныхъ. Одни изъ нихъ ходили посчиывая траву, другіе лежали группами другъ около друга. На высокомъ камнѣ стоялъ огромный рогачъ, въ качествѣ часоваго. Онъ часто поворачивался во всѣ стороны, исполняя, какъ видно, добросовѣстно свою обязанность. Довольно смотрѣть... Спустимся къ Корѣ. Фокинъ и Бедаревъ придумали слѣдующій планъ: я состою въ распоряженіи послѣдняго, а Фокинъ, взявъ лошадей, поѣдетъ кругомъ и начнетъ спускаться къ Корѣ по ущелью, по которому должны броситься архары, если бы увидѣли насъ. Мы вдвоёмъ должны спускаться прямо съ того мѣста, гдѣ стоимъ, прикрываясь сосѣднею скалою и большими камнями, лежащими по

покатости. Вѣтеръ дулъ съ юго-востока, слѣдовательно на насъ. Въ ожиданіи, покуда Фокинъ объѣдетъ, чтобы попасть въ назначенную ему щель, я усѣлся на камень и сталъ любоваться на дивную картину, разстилавшуюся у нашихъ ногъ. Мы были на одной изъ вершинъ Алатау. Отсюда мѣстность спускалась подъ угломъ 40—42°. Внизу, на огромной глубинѣ, извивалась тоненькою ленточкою Кора (*), одно изъ верховій Каратала. По весьма значительному склону долины и по реву, который доносился снизу, можно было судить о силѣ, съ которою падала Кора по своему руслу. На противоположной сторонѣ рѣки, чрезвычайно круто поднимался громаднѣйшей вышины хребетъ съ никогда нетающимъ снѣгомъ наверху. Крутой, обрывистый склонъ этого хребта былъ подпертъ другими покатостями, будто контрафорсами. На стѣнахъ его, начиная съ половины высоты, росли пихты. По мѣрѣ приближенія къ долинѣ Кору густота лѣса увеличивалась, и, наконецъ, внизу деревья сливались въ густой боръ. Долина Кору, окруженная съ одной стороны хребтомъ, съ другой горами, на которыхъ мы теперь стояли, покрытая зеленью, съ прихотливо изливающимся по ней рѣчкою, казалась чрезвычайно живописною. Дремучія „тайги“ опускались съ горъ къ самому руслу потока, и ихъ темная, почти синяя зелень рѣзко отпечатывалась на свѣтлой, несмотря на позднее время года, зелени, покрывавшей берега Кору. Аткинсонъ былъ правъ, описывая эту долину, какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по красотѣ уголковъ земнаго шара.

— „Пойдемте. Фокинъ, должно, уже доѣхалъ до щели; пора и намъ спускаться. Только не забудьте: коли у васъ сорвется камень изъ-подъ ногъ, пиши пропало: архары уйдутъ. Теперь, коли я махну рукой такъ, извините меня, значить, стойте на мѣстѣ; махну къ себѣ — подпалзываютъ скорѣе; такъ — ложитесь на землю.“ — Мы стали спускаться, придерживаясь основанія порфировой скалы. Покуда я могъ за нее держаться, дѣло еще шло на ладъ; далѣе нужно было ползти, прикрываясь камнями, лежащими по осыпи. Бедаревъ двигался быстро и безъ шума и на первыхъ же порахъ оставилъ меня

(*) Кора беретъ начало въ вѣчныхъ снѣгахъ, откуда падаетъ каскадами и водопадами по своей крутой и дикой долинѣ. Длина теченія Кору 90 верстъ, паденіе же на этой длинѣ не менѣе 6,500 футовъ. „Словарь Россійской Имперіи“. П. Семюнова.

далеко сзади. Мнѣ предстояло разомъ рѣшить три задачи, изъ которыхъ каждая была весьма трудна: во-первыхъ, нужно было постоянно быть прикрытымъ чѣмъ-либо; во-вторыхъ, надлежало ступать такъ, чтобы ни одинъ камешекъ не сорвался изъ-подъ ногъ; наконецъ, самое важное, слѣдовало опасаться испугать архаровъ собственнымъ тѣломъ, потому что, говоря вообще, было очень легко скатиться въ Кору. Пока за каждымъ шагомъ я колебался, какъ кто-то въ сказкахъ, на перепутьи трехъ дорогъ, вправо и гораздо ниже, мелькнула фигура Бедарева. Немного погодя загремѣлъ выстрѣлъ и пуля зажурчала по ущелью. Эхо нѣсколько разъ прокатилось по горамъ. Я взвелъ курокъ и приготовился, поглядывая во все стороны. Взглянувъ нечаянно внизъ, я увидѣлъ большое стадо архаровъ, несущееся скачками саженьхъ въ 75 отъ меня. Балансируя на какомъ-то камнѣ, я не могъ взять вѣрно на мушку и выстрѣлилъ зря по направленію стада. Когда разсѣялся дымъ, звѣрей уже не было.

Вскорѣ показался Бедаревъ, корабкавшійся ко мнѣ снизу „Эты стрѣлялъ?“ — „Я.“ — „Попалъ?“ — „Нѣтъ; а вы попали?“ — „Нѣтъ.“ — „Архары либо Фокина испужались, либо насъ. Должно, Фокина. Доползъ я до того камня и сталъ высматривать. Что, думаю, за чудо? нѣтъ архаровъ. Смотрю, а они уже дорогу перебѣгаютъ нанизу. Я и далъ выпалъ съ руки въ догонку.“ (*)

Послѣ неудачной охоты, мы осматривали долину Кору, а охотники рассказывали мнѣ, какъ и въ какое время приходятъ сюда киргизы, отчего они цѣнятъ эту долину и т. д. Позвольте мнѣ замѣнить ихъ длинные рассказы слѣдующими замѣчаніями: киргизы цѣнятъ долину Кору какъ отличное мѣсто для лѣтovieвъ, потому что, во-первыхъ, лѣтомъ температура здѣсь бываетъ всегда ровная, весенняя; во-вторыхъ, въ долинѣ нѣтъ никакихъ насѣкомыхъ, которыя бы беспокоили животныхъ; въ-третьихъ, сочная трава, растущая по берегамъ Кору, даетъ отличный кормъ рогатому скоту, на обрывахъ же и поватостяхъ съ травы, любимыя овцами и лошадьми, и, въ-четвертыхъ, вода Кору очень вкусная и охотно пьется животными.

Маралы, тики—*Aegoceros Sibiricus*—архары и козы любятъ долину Кору не менѣе домашнихъ животныхъ, такъ что дер-

(*) Сибирскіе казаки отстрѣляютъ не иначе, какъ съ сошекъ, придѣланныхъ наглухо въ ложъ. Чтобы выстрѣлить съ такой сошки, нужно время.

жата въ ней круглый годъ, несмотря на присутствіе здѣсь гдѣ-томя киргизскихъ ауловъ.

Отъ Кору мы поѣхали въ долину Малой Копалки, гдѣ меня ждалъ товарищъ. Охотники торопили ѣхать скорѣе, показывая на вершины главнаго хребта. Тамъ, будто легкая пыль, чуть-чуть вздымался снѣгъ—признакъ скорого бурана. Менѣе чѣмъ черезъ часъ снѣгъ мело уже на всѣхъ высокихъ горахъ, хотя небо было чисто и солнце свѣтило ярко. Едва мы добрались до мѣста вчерашняго ночлега, какъ порывистый, прознительно-холодный вѣтеръ рванулъ нѣсколько разъ со снѣжныхъ вершинъ и замелъ глубокіе слѣды, оставляемые нашими лошадьми. Послѣ этой интродукціи, вѣтеръ подулъ снова и продолжалъ свою унылую пѣсню цѣлый день. Жесткій снѣгъ, срываемый съ горъ вѣтромъ, билъ въ лицо и, ударяясь по снѣговымъ полянамъ, съ шелестомъ летѣлъ и катился къ пропасти.

Въ одномъ мѣстѣ нашего пути, несмотря на погоду, я остановился, чтобы осмотрѣть далекій видъ, открывавшійся съ горъ на страну, лежащую у западнаго и сѣвернаго склоновъ Алатау. Вотъ почти подъ ногами Копалъ, со своими прямыми, правильно пересѣкающимися, подъ прямымъ угломъ, улицами. Полинялые сѣрые дома отчетливо обрисовываются на грязныхъ черныхъ улицахъ. За долиною тянется Каратау, постепенно понижающійся къ сѣверо-западу. За нимъ смутно виднѣется степь до самихъ Арганатинскихъ горъ. Балхаша не видно, но озеро Басканъ-Куль видно очень хорошо. Въ картинѣ, которую я теперь разсматривалъ, меня поразила слѣдующій фактъ: долина Копала была подернута какою-то непрозрачною мглою, какъ и вся страна, прикрытая съ сѣвера горами; за Каратау же степь была будто прикрыта густымъ снѣгомъ. Я просилъ казаковъ разъяснить мнѣ это явленіе. „Въ Копалѣ тепло—отвѣчалъ Фокинъ — оттого внизу будто марево играетъ; а тамъ, за Каратау, это не снѣгъ, а морозъ. Когда гдѣ бываетъ морозъ, такъ отсюда, съ горъ, тамъ показывается бѣлымъ.“

Чтобы попасть къ хижинѣ, мы должны были спуститься въ чрезвычайно кругое ущелье Малой Копалки. Даже Фокинъ слѣзъ съ лошади, объявивъ, что иначе можно скатиться вмѣстѣ съ лошадыю. Это ущелье въ такой же степени дико, какъ живописно. Огромные камни торчали по крутымъ покостямъ, будто намѣреваясь сейчасъ же оборваться; между ними росли мощныя пихты. Спустившись до дна ущелья, мы пере-

ѣхали нѣсколько разъ черезъ Копалку и наконецъ добрались до землянки, выстроенной среди хаоса скалъ, каменьевъ и лѣса. Съ десятокъ молодыхъ казаковъ, нанятыхъ жителями Копала, пилили лѣсъ по уступамъ скалъ, и далеко по горамъ разносились визгъ пилы и веселый ихъ говоръ.

Къ вечеру мы ѣхали домой долиною рѣки Малой Копалки. Громадные валуны гранита, сіенита и порфира, разбросанные не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, доказывали, что этотъ ничтожный потокъ производилъ когда-то въ горахъ огромныя опустошенія, размывая и унося съ собою чуть не цѣлыя скалы. Чѣмъ дальше мы двигались внизъ по ущелью, тѣмъ болѣе природа являлась дикою. Мрачныя голыя скалы, чуть не вертикально торчашія надъ ручьемъ, становились все выше и выше. Тамъ, гдѣ Копалка стѣсняется горами и падаетъ каскадами, мы повернули налѣво по тропинкѣ, которая кое-какъ лѣпилась на верхъ скалы, и вскорѣ выѣхали на колесную дорогу, по которой возятся дрова въ городъ. Подгоняемые сильнымъ попутнымъ вѣтромъ, обращавшимся по временамъ въ бурю, къ ночи мы поспѣли въ Копалъ.

Дорога отъ Копала до Вѣрнаго идетъ почти все время горами. Сначала у станціи Акичкинской нужно подняться на крутой хребетъ Джонъ, одинъ изъ отроговъ Алатау; далѣе путь идетъ по волнистой мѣстности до рѣки Каратала, долину которой нужно принимать за пограничную черту между землями киргизовъ Большой и Средней орды (*). Со станціи Джангызъ-Агачской горная дорога становится еще труднѣе, такъ что мы сдѣлали по ней въ теченіе цѣлаго дня всего 30 верстъ. Впрочемъ, я не жалѣлъ, что мы принуждены были остановиться на слѣдующей станціи, Царыцинской. Станція лежитъ въ котловинѣ, задвинутой со всѣхъ сторонъ высокими, мрачными гранитными горами. Красивая рѣка Коксу, мѣстами обросшая по берегамъ деревьями, шумитъ и сердится подъ самыми окнами

(*) Рѣка Караталъ (по-киргизски значить „черный тальникъ“), одна изъ наибольшихъ рѣкъ Семирѣченскаго края, вытекаетъ изъ сѣверо-западнаго склона Алатау тремя истоками. Про главнѣйшій изъ нихъ, Кору, мы говорили выше. Горная часть теченія Каратала чрезвычайно стремительна. По многоводію рѣки и большимъ камнямъ, навесеннымъ ею, переправа въ бродъ черезъ Караталъ всегда затруднительна, а въ половодье почти невозможна, и потому, недалеко отъ Каратальскаго выселка, черезъ рѣку перекинутъ прочный мостъ. Длина Каратала, до впаденія въ Балхашъ, около 300 верстъ.

чистенькаго станціоннаго дома (*). Прозрачная вода рѣки напоминаетъ своимъ аквамариновымъ цвѣтомъ лѣвые притоки По, вытекающіе изъ альпійскихъ глетчеровъ. Близъ станціи, черезъ два рукава Коксу, перекинуты красивые и вѣрные мосты. Эти мосты, какъ и станція со всѣми пристройками, оканчивались еще при насъ рабочими изъ пѣхотныхъ солдатъ, нарочно для того командированныхъ изъ ближайшихъ командъ. Нельзя не замѣтить, что наши войска въ степяхъ и на Кавказѣ прокладываютъ путь цивилизаціи не только завоеваніями, не только поддержаніемъ порядка въ занятыхъ странахъ, но и сооружениями, немислимыми безъ тароватости и неутомимости нашего солдата. Это величайшая слава русской арміи. О безвѣстныхъ труженикахъ-солдатикахъ, которые, за ничтожную плату, обливаютъ своимъ дорогимъ и плодотворнымъ потомъ дикія скалы и пустыни, съ уваженіемъ упомянетъ самый строгій историкъ.

Инженерный офицеръ, бывшій въ Цырыцинскомъ пикетѣ при рабочихъ, не могъ нахвалиться трудолюбіемъ и добросовѣстностію солдатъ; однако и онъ сознавался, что 16 копѣекъ за урокъ, который солдатъ едва можетъ окончить въ два дня, плата слишкомъ ничтожная.

Изъ долины Коксу мы съ трудомъ перевалили черезъ Котуркай, одинъ изъ отроговъ Алатау, и поѣхали около подножія Алтынъ-Имельскаго хребта, составляющаго юго-западное продолженіе главнаго хребта. На паралели Алтынъ-Имельскаго пикета, въ горахъ того же имени, есть замѣчательный горный проходъ, чаще всѣхъ другихъ посѣщаемый караванами, идущими изъ Кульджи въ Семирѣченскій край. Проходъ тоже называется Алтынъ-Имельскимъ и лежитъ на высотѣ 4.660 русскихъ футовъ. Про него существуетъ у киргизовъ странная легенда. Они говорятъ, что калмыки, вѣроятно, вслѣдствіе войны съ китайцами, очищая пространство къ западу отъ этого про-

(*) Коксу (по-киргизски—синяя вода), главный притокъ Каратала, беретъ начало въ сѣвжныхъ вершинахъ сѣверо-западнаго склона Алатау. Длина рѣки около 200 верстъ. Такъ какъ и эта рѣка очень неудобна для переправы, то черезъ нее существуютъ два постоянныя сообщенія, одно въ 20 верстахъ выше Цырыцинскаго пикета, тамъ, гдѣ Коксу вырывается изъ тѣснаго ущелья, обставленнаго высокими гранитными горами. Здѣсь же находится Коксунскій выселокъ (менше 100 душъ), построенный на абсолютной высотѣ въ 3,500 футовъ. У Цырыцинской станціи есть также постоянныя мосты черезъ оба рукава, на которые разбивается здѣсь Коксу.

хода, закопали на горахъ золотое сѣдло хана, какъ доказательство своего права на владѣніе окрестными землями. Отъ того—говорятъ киргизы—произошло названіе прохода (Алтынъ-Имель значитъ золотое сѣдло), а по имени послѣдняго названъ и весь Алтынъ-Имельскій хребетъ.

Между пикетами Алтынъ-Имельскимъ и Куяндузскимъ, вправо отъ дороги, поднимается значительная сопка страннаго темнаго цвѣта. Она извѣстна у киргизовъ подъ именемъ Май-Тюбе, жирной горы. На ней водится очень много весьма ядовитыхъ змѣй, разнаго цвѣта и величины. Если лѣтомъ сюда какъ-нибудь забредеть скотъ, его убиваютъ змѣи. Оттого около горы множество костей погибшихъ животныхъ.

Въ виду Май-Тюбе, противъ высокаго Алтынъ-Имельскаго хребта, поднимающагося на той сторонѣ дороги, похороненъ ротмистръ нашей службы Чоканъ Валихановъ, молодой киргизъ, которому предстояла карьера извѣстнаго ориенталиста. Чоканъ былъ сынъ Чингиза Валиханова, полковника и старшаго султана Кокчетавскаго округа. Онъ воспитывался въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ и, выйдя изъ него, продолжалъ образовывать себя постояннымъ чтеніемъ. Будучи посланъ съ купеческимъ караваномъ въ Кашгаръ, онъ, по возвращеніи, изумилъ всѣхъ полнотою своего отчета, требовавшаго и обширной начитанности, и истинно образованнаго взгляда. Чисто-европейскій складъ ума молодаго ученаго обратилъ на него вниманіе Е. П. Ковалевскаго, бывшаго тогда директоромъ азіятскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, который вызвалъ Валиханова въ Петербургъ и поддерживалъ, сколько могъ, до конца его жизни. Петербургскій климатъ пошатнулъ здоровье чловѣка, врывкшаго къ чистой атмосферѣ степей. Ему совѣтовали ѣхать на родину. Но здѣсь болѣзанъ стала переходить въ чахотку, благодаря множеству огорченій, выдержанныхъ Валихановымъ отсюда, и, наконецъ, положила его въ гробъ лѣтомъ прошлаго года. Смерть застала Валиханова за обширнымъ трудомъ, который, вѣроятно, объяснилъ бы многое изъ исторіи средне-азіятскихъ народовъ.

Надъ могилою умнѣйшаго изъ киргизовъ стоитъ аялпovатый памятникъ, слѣпленный изъ глины. Будто въ насмѣшку надъ молодымъ ученымъ, ненавидѣвшимъ азіятскій фанатизмъ столько же, какъ и азіятскій произволъ, на памятникѣ двѣ надписи: одна какой-то стихъ изъ корана; другая гласитъ, что

здѣсь похороненъ Чоканъ, сынъ Чингиза, сына Валія, сына Аблая, знаменитаго хана Средней орды и потомка Чингизъ-хана.

3-го ноября мы подъѣхали къ рѣкѣ Или, за которою, на югъ до Тянь-Шаньскаго хребта, простирается одна изъ самыхъ богатыхъ частей нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, названная русскими Зайлійскимъ краемъ. Хотя мы пробыли въ этомъ краѣ болѣе трехъ недѣль, но не успѣли посѣтить озера Иссыкъ-Куль, окрестности котораго интересны для насъ во всѣхъ отношеніяхъ; потому описаніе страны къ югу отъ рѣки Или отлагаю до другаго времени, тѣмъ болѣе, что мы предполагаемъ тамъ быть еще разъ, въ слѣдующемъ году.

Несмотря на этотъ пропускъ, считаю нелишнимъ передать въ общихъ чертахъ впечатлѣнія зимняго пути по степямъ, которыя мы проѣзжали лѣтомъ.

Въ концѣ ноября мы выѣхали изъ Вѣрнаго въ обратный путь къ Омску. Первоначально пришлось двигаться въ тарантасахъ, потому что верстъ на 200 къ сѣверу отъ Вѣрнаго не только не было зимняго пути, но дорога была удушливо пыльна. Станціи за двѣ до Копальскаго Алатау сталъ попадаться снѣгъ, самые же горные отроги были имъ покрыты сплошь. Снѣгъ недавно выпалъ, дорога была не разѣзжена; лошади останавливались, сдѣлавъ сотню шаговъ. Въ Копалѣ бросили тарантасы и купили кошевые сани (*): пріѣзжіе рассказывали, что за горами отличная зимняя дорога. Помощію саней мы дѣйствительно подвинулись къ сѣверу до Аркатскихъ горъ, что въ Сергіопольскомъ округѣ. Тутъ опять ни капли снѣгу. Станцій шесть пришлось дѣлать въ саняхъ по голому камню и терпѣливо выслушивать раздражительные звуки, производимые ѣрганіемъ желѣза по остріямъ сланцовъ и по крутому песку. Не доѣзжая до Аркатской станціи, на одномъ крутомъ косогорѣ сани положило на бокъ. Послѣ тщательнаго осмотра, ямщикъ пояснилъ, что „подрѣзы и полозья съѣдо камнемъ до самыхъ копыльевъ“. Пришлось бросить сани. Проѣхали еще немного—опять купили сани. Впрочемъ, даже тамъ, гдѣ установилась санная дорога, пришлось мучиться не мало. Въ прогалинахъ снѣгъ дѣйствительно лежитъ толстымъ слоемъ, прикрывая

(*) Такъ называются въ Сибири сани, которыхъ корпусъ сдѣланъ изъ войлока, оплетеннаго веревками.

своею блестящею поверхностію и землю, и растенія; только кое-гдѣ изъ-подъ него поднимается высокая желтая трава, опорошенная инеемъ тагъ, что каждый стебелекъ кажется толстымъ сучкомъ. Тутъ ѣхать хорошо; а вотъ на буграхъ, подверженныхъ дѣйствию зимнихъ вѣтровъ, просто бѣда: весь снѣгъ сдуло.

Смотря кругомъ на степь, кажущуюся безконечно-ровною, не замѣчаешь такого разнообразія: тамъ разстилается покрытая бѣлымъ саваномъ мертвая и однообразная пустыня. Кругомъ ни живой души, ни одного предмета, на которомъ могло бы остановиться вниманіе; развѣ очень рѣдко затемнѣетъ гдѣ-нибудь тальникъ, которымъ поросли берега какой-нибудь рѣчки, или вытянется плотнымъ строемъ желтоватый камышъ, признакъ присутствія озера или болота. Иногда въ подобныхъ мѣстахъ замѣтишь струйку бѣлесоватаго дыма, чуть замѣтно гуляющую надъ кустами или камышемъ. Внимательно всматриваясь въ мѣсто, откуда поднимается дымъ, съ трудомъ различишь темный корпусъ юрты, опорошенный снѣгомъ, и загоны для скота, беспорядочно сложенные изъ вѣтвей. Около зимовки проложено нѣсколько сильно умятыхъ темныхъ тропинокъ. Изъ чащи тальника или камыша выползетъ киргизка съ кожанымъ ведромъ въ рукѣ, выбѣжить куча ребятишекъ, сопровождаемая разношерстною стаею собакъ. Ребятишки, кажущіеся шариками, отъ множества разной рухляди, въ которую они одѣты, замахають руками, закричатъ и запищатъ, глядя на проѣзжихъ; собаки, съ поднятою на спинѣ шерстью, бросятся на лошадей съ злобнымъ лаемъ и провожаютъ сани до тѣхъ поръ, покуда не охрипнуть.... Потомъ опять безжизненная пустыня.

Ирѣдка можно видѣть, что по сторонамъ снѣгъ истоптанъ въ разныхъ направленіяхъ. Многочисленные слѣды, покрывающіе степь, группируются болѣе у ямъ, вырытыхъ въ снѣгу до самой земли, съ осципанною травою на днѣ ихъ. Здѣсь паслись табуны лошадей. На пути отъ Вѣрнаго до Семипалатинска, намъ нѣсколько разъ приходилось проѣзжать чрезъ табуны коней, обыкновенно далеко разбросавшихся во всѣ стороны. Вотъ цѣлый косякъ, отдѣлившись отъ табуна, рассыпался по далекому косогору, темнѣя будто камни, разбросанные по покатоности, тогда какъ другія лошади пасутся у дороги или чернѣютъ чуть замѣтными точками по другой сто-

ронъ стени. Одиъ, взъерошивъ шерсть, неподвижно стоять хвостомъ къ вѣтру; другія бродятъ, отыскивая кормъ; третьи бьютъ копытомъ по снѣгу и разгребаютъ его, чтобы добраться до травы. Кругомъ, оглядывая лошадей, развѣзжаютъ киргизы-табунщики; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ длинныя пикн, украшенныя толстымъ пучкомъ конскихъ волосъ.

Бараны умѣютъ *копытить* кормъ едва-ли еще не искуснѣе лошадей. Ловко и быстро выколачиваетъ баранъ своими острыми копытцами ровную круглую впадину и доберется именно до той травы, которую онъ любитъ употреблять въ пищу. Только баранья стада не раскидываются на такое большое разстоянiе, какъ табуны, а держатся въ тѣсной кучѣ.

Зимнiй ландшафтъ степи до такой степени пустыненъ, что видъ пасущихся табуновъ и стадъ доставляетъ величайшее развлеченiе; только жалѣешь, что они встрѣчаются рѣдко. Отъ нечего дѣлать станешь разсматривать многочисленные слѣды звѣрей, проложенныя по гладкой поверхности степи: утѣшаешься тѣмъ, что не все еще замерло въ этой пустынѣ. Вотъ около самой дороги оставилъ свѣжiе слѣды волкъ, бродившiй здѣсь сегодня утромъ. Согласно своему серьезному характеру, онъ двигался около дороги прямо, изрѣдка только подходя къ колеѣ для какихъ-то наблюдений. Совсѣмъ иначе велъ себя зайченокъ, который тутъ же, безъ нужды и толку, напуталъ петли своего малика, или лисица, во всѣхъ направленiяхъ пересѣкшая дорогу своими акуратными, словно по ниточкѣ размѣренными слѣдами. Если одинъ волчiй слѣдъ сходится съ другими, волчьими же или лисьими, смотрите по сторонамъ: тамъ непременно гдѣ-нибудь лежитъ полузасыпанный снѣгомъ костьякъ быка, отороченный бахромою недоглоданнаго замерзшаго мяса. По сторонамъ его снѣгъ истоптанъ ночными посѣтителями скелета — волками и лисицами.

Волкъ едва-ли не единственный плотоядный звѣрь, распространенный на земномъ шарѣ отъ полюсовъ до экватора. Въ тропическихъ лѣсахъ Америки онъ водится въ огромномъ количествѣ; но не мало волковъ и въ тѣхъ полярныхъ странахъ, гдѣ едва замѣтны рѣдкiе слѣды пребыванiя другихъ звѣрей. Невольно спросишь, вмѣстѣ съ Майнъ-Ридомъ: какъ можетъ волкъ находить тамъ достаточное количество необходимой для него пищи?

Часть территорiи, принадлежащей гудзонъ-байской компанiи,

къ сѣверо-востоку отъ Гудзонова залива, носящая названіе Проклятой земли, представляетъ зимою совершенную пустыню. Кромѣ самаго незначительнаго количества мышей, горностаевъ, зайцевъ, лисицъ и совъ, остающихся здѣсь на зиму, все прочее уходитъ или улетаетъ на югъ. Между тѣмъ, каждый разъ, когда служащимъ въ компаніи приходится проѣзжать по пустынямъ и голымъ скаламъ Проклятой земли, волки появляются у нихъ на слѣдахъ и движутся за ними неустанно день и ночь. Ежедневно путники будутъ видѣть волчью стаю; ежедневно будутъ вблизи слышать ихъ завываніе, видѣть кругомъ бивуака фосфорическіе огоньки свирѣпыхъ глазъ, и горе тому, кто отдѣлится отъ товарищей безъ надежнаго оружія, горе всѣмъ, если съѣстные припасы останутся безъ надлежащей охраны.

Судя по описаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, я воображалъ себѣ такими же и азійскихъ степныхъ волковъ, и воображалъ невѣрно. Характеръ здѣшнихъ волковъ сложился иначе, вѣроятно, вслѣдствіе того, что они обезпечены обильною пищею, находимую ими въ киргизскихъ стадахъ. Въ качествѣ единыхъ пастырей многихъ стадъ, они держатся исключительно близъ ауловъ. Стоитъ волостямъ перекочевать—и волки исчезаютъ при извѣстной мѣстности вмѣстѣ со стадами. Обезпеченность положенія, уничтожая неизбежность риска, дѣлаетъ волковъ киргизскихъ степей страшными трусами. Много разъ, во время ночлеговъ по киргизскимъ ауламъ, мнѣ приходилось слушать баталіи собакъ съ волками у самыхъ стѣнъ юрты; еще чаще доводилось слышать про похищенія скота, но, давая себя знать непрерывно, волки оставались незримы. Мнѣ объясняли мѣстные жители, что степные волки боятся вида человѣка. Въ теченіе полугода я видѣлъ въ степяхъ только одного волка, да и то едва двигавшагося за старостію. Кстати, нельзя здѣсь не припомнить рассказы Аткинсона про ночныя нападенія степныхъ волковъ на бивуаки путешественниковъ, нападенія, противъ которыхъ приходилось обороняться нѣсколько разъ повторенными ружейными залпами. Подобные рассказы такъ же вѣрны, какъ вѣрно многое въ мемуарахъ Аткинсона о киргизскихъ степяхъ.

Во время скучнаго пути, смотря на слѣды волковъ, невольно перебираешь все это въ головѣ. Приходитъ почему-то на память Проклятая земля, и отсюда выводимъ странныя за-

ключенія. Хоть бы теперъ увидѣть еще одного волка, думаешь, глядя на степь; но однообразно и безжизненно протягивается во всѣ стороны далекая равнина, пустынно и мертво кругомъ.

И все-таки не очень бы хандрилось, если бы можно было ѣхать шибче, чѣмъ мы ѣхали, если бы лошади шли хотя трукою. При быстромъ движеніи, мысли становятся свѣжѣе, зло проходить, и на лошадей, и на ямщика, и на окрестность смотришь тогда добродушнѣе. Но что за мука ѣхать десятки дней, ѣхать день и ночь, и дѣлать въ сутки не болѣе, какъ по три станціи. А такимъ манеромъ ѣхали мы, злополучные, отъ Вѣрнаго до Семипалатинска. Ночь смѣняла день, день замѣнялся ночью — мы все сидѣли въ саянхъ, не смѣя мечтать о возможности отдохнуть когда-либо. Наступить темнота, съ нею на всемъ небосклонѣ зажигаются звѣзды яркимъ, но холоднымъ блескомъ. Когда не спится, закинешь голову на подушку и долго глядишь на ихъ дрожащій, мигающій свѣтъ, и чего-чего только не лѣзетъ въ это время въ голову.... Мы ѣхали все время на сѣверъ. Впереди постоянно видѣлась Большая Медвѣдица, и не могъ я смотрѣть на нее, не вспоминая легенды, которую связываютъ съ нею киргизы.

Помню: однажды ночью я ѣхалъ въ предгоріяхъ Алатау съ нѣсколькими киргизами. Паралельно тропинкѣ, по которой шли наши кони, ревѣлъ и клокоталъ сердитый Караталъ, ворочая по наклоненному дну округленные камни. Бѣлая пѣна видѣлась по берегамъ рѣки. За шумомъ и грохотомъ ея съ трудомъ можно было слышать другъ друга. Плеяды — часы путешественника въ пустынѣ — показывали за полночь. Ночь была холодная и ясная. Все небо горѣло звѣздами, которыя, въ горныхъ странахъ, кажутся гораздо ярче. Одинъ изъ товарищей, вытягивая заунывную пѣсню, глядѣлъ на небо. Что онъ думаетъ про эти блестящія точки, мистическій предметъ разныхъ сказаній и легендъ у всѣхъ людей, неимѣющихъ научной почвы подъ ногами? Можетъ быть, онъ молится? И мнѣ вспомнился лихорадочный францисканскій монахъ, товарищъ Гумбольдта по путешествію въ первобытныхъ лѣсахъ южной Америки, молящійся небу о дарованіи ночнаго покоя людямъ и звѣрямъ.

— Ты молишься? спросилъ я своего товарища.

— Джокъ. У насъ нужно сойти съ лошади, чтобы дѣлать намазъ.

— Что говорятъ ваши старики про эту звѣзду?

И я указалъ на полярную звѣзду.

— Эта звѣзда называется, по нашему, Темиръ-газыкъ, жѣлзный гвоздь, потому что она неподвижно вбита въ небо. Старики рассказываютъ, будто къ Темиръ-газыку привязаны на арканъ двѣ лошади: одна серебряная, другая золотая.—И киргизъ указалъ на созвѣздіе Дракона.—Этихъ лошадей съ-поконъ-вѣка хотятъ украсть семь воровъ (семь главныхъ звѣздъ Большой Медвѣдицы). Каждую ночь они крадутся къ двумъ лошадямъ, пасущимся привязанными къ Темиръ-газыку; но наступаетъ утро, и воры прячутся, чтобы съ вечера опять выйти на кражу....

Ночныя думы сливаются съ дремою, и незамѣтно засыпаешь подь сводомъ морознаго неба, покуда не разбудятъ сильный толчокъ или холодъ, обжигающій лицо.

Передъ разсвѣтомъ станетъ крѣпчать морозъ. Когда сѣрый утренній туманъ поразсѣется, бросишь кругомъ взглядъ—та же голь и пустыня. Для развлечения принимаешься наблюдать заиндивѣвшіе хвосты и крупы лошадей, прислушиваться къ глухому побрякиванію ледяныхъ сережекъ, пучкообразно нависшихъ на щеткахъ ногъ. Смотришь на спину ямщика, на тряпку, которою обернуты его шея и часть затылка. Ележивыя лошади съ трудомъ волочатъ сани, которые ёрзаютъ всѣмъ своимъ дномъ по неубитой дорогѣ или царапаютъ камни и песокъ, издавая въ томъ и другомъ случаѣ печальные разнотонные звуки. Въ лицо летитъ мелкій снѣгъ, поднимаемый шарканьемъ лошадиныхъ ногъ въ рыхломъ снѣгу. Усы и бакенбарды обиндевли, „окуржовѣли“, какъ говорятъ въ Сибири, и прилипаютъ къ шубѣ. Воротникъ занесенъ инеемъ, который таетъ отъ дыханія по близости рта. Не знаешь, куда дѣть лицо и какъ усѣться или улечься, чтобы спастись отъ вѣтра, снѣга, чтобы не чувствовать холодной сырости мѣховаго воротника. А тутъ еще попадется ямщикъ, нагоняющій тоску и на сѣдоковъ, и на лошадей. Какъ сядетъ на облучокъ, такъ и пошелъ напѣвать разныя присказки усыпляющаго свойства до слѣдующей станціи. Лошади притворятся, что тяжело, да и движутся шагомъ войскъ Фридриха II. Что же это за пытка въ самомъ дѣлѣ? неужели такъ-таки и ѣхать все время?

— Ямщикъ!

Ямщикъ поворачивается и показываетъ красное обвѣт-

ренное лицо, до носа подвязанное платкомъ. Это лицо вамъ кажется страннымъ, потому что по спинѣ ямщика вы представляли его себѣ совсѣмъ иначе.

— Вѣдь намъ были выставлены лошади?

— Чего эта?

— Намъ были выставлены лошади?

— Кому эта?

— Комисіи.

— Были-съ.

— Эти самыя?

— Эти-съ.

— Да вѣдь лошади, которыя были намъ выставлены, должны быть свѣжія, неморенныя?

— Грѣхъ сказать: кони были добрые.

— Эти самыя были выставлены?

— Эти-съ.

— Когда же вы успѣли ихъ такъ заморить?

— Намъ что за корысть была морить ихъ? мы ихъ не морили.... Эхъ, други, родныи!... Христось съ вами, голубчики!... Но, но, но, но! выбивайтиси христовы!...

— Ты погоняй какъ слѣдуетъ!

— Чего эта?

— Ты погоняй какъ слѣдуетъ!

— У, у, у, у! пристаи, малиньки!... Вытягивай, вытягивай!... Но!... стрѣльни ты въ голову! выручай, проклятая!...

— Да ты погоняй толкомъ!

— Чего эта?

— Погоняй, чучело, хорошенько!

— Какъ же еще погонять-та? Дорога неѣзженная; кони некормленные; ночью на нихъ пошта бѣгала; прямо съ выстойки и шлейки накинули!

Вдругъ въ васъ закипаетъ лютая злоба и къ почтамъ, и къ некормленнымъ лошадямъ, и къ пресловутымъ степнымъ сообщеніямъ, и къ укутанному тряпками ямщику.

— Погоняй, говорятъ тебѣ! погоняй!! слышишь?! а то въ книгу на станціи запишу!

— Какъ вашей милости будетъ угодно. Сами видите: кони морены!

— Ты на водку и не думай просить; не смѣй и показываться на станціи! слышишь?!

— Слышу!

Ну, и станеть совѣстно, и усядешься поглубже да пососредоточениѣе на мѣсто, а внутри желчь такъ и кипить и клокочать. Если бы, въ подобныя минуты, реализовать злобивыя помыслы сѣдоговъ, то и лошади, и ямщикъ, и многіе другіе были бы немедленно аркибузирваны.

Когда-нибудь доберешься и до станціи.... Ввалишься въ комнату и сейчасъ же сбросишь съ себя теплое платье: иначе схватишь, какъ то и бывало, порядочную простуду. Оттаятъ сосульки на усахъ и бородѣ, загорятся лицо, руки, ноги—станешь отходить, и крѣпко не хочется потомъ опять на морозъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что бывали и такія станціи, съ которыхъ мы сбѣгали съ большимъ удовольствіемъ. И теперь еще со страхомъ вспоминаешь про холодъ, искусно перемѣшанный на подобныхъ станціяхъ съ угаромъ, про разбитыя стекла, граціозныя кучечки снѣга на подоконникахъ, непритворяющіяся двери и проч. На такихъ станціяхъ съ особеннымъ злорадствомъ читаешь жалобную книгу, и ужь куда какъ хочется присоединить еще одну ехидную ябеду.

Къ счастью, во время пути, не пришлось выдержать большаго бурна. Это, говорятъ, серьезная вещь. Бураномъ называютъ въ Сибири и въ степяхъ зимнюю бурю, сопровождаемую снѣгомъ. Мятелью же здѣсь, какъ и у насъ, называется безснѣжный вѣтеръ, который, конечно, все-таки будетъ мести снѣгъ, уже лежащій на землѣ.

Я вамъ расскажу про буранъ словами одного моего знакомаго, казака Катанаева:

„За Аягузомъ пикеть есть — Ащи-Булакскій прозывается. Какъ былъ резервнымъ, тамъ служилъ. Миѣ все едино, гдѣ ни жить, звѣрь бы только былъ, а сѣраго звѣря у Ащи-Булака множество. Бывало, чуть солнце на закатѣ, сейчасъ ружье къ поѣди на сторожку ставишь. Самъ сплю, а ружье охотничаетъ; а то и конно, съ тамыромъ (*) киргизцемъ Колчечкомъ, на волковъ бѣгали. Не по нраву это пришлось товарищамъ, да и пикетный урядникъ поперекъ моего промысла пошелъ. „Что ты, Алексѣичъ—говорить—бродяжничаешь? Другіе какъ люди на пикетѣ живутъ, а ты съ азіею по степи баландаешься.“ „Лучше, моглъ, Иванъ Андреичъ, охотничать, чѣмъ на пикетѣ водку пить.“ — Только сталъ, съ той съ самой поры, пикет-

(*) Тамыръ—другъ, пріятель—соответствуетъ кавказскому кунакъ.

ный меня съ летучками гонять, да разъ чуть не загубилъ меня на смерть. Было это лѣтъ шесть тому, зимою. На самого на Кузьму и Демьяна, снимаю я это шкуру со звѣря на пикетѣ да трубочку покуриваю; тутъ же товарищи по домашности занимаются. Только слышимъ: на дворѣ погода стала разгуливаться, снѣгъ въ окошко пошло бросать. Былъ у насъ Степанъ Безпалый, дрянной казачишко, ругатель большой и сквернословъ. „Кого это дьяволъ принесъ въ такую пору?“ говоритъ. Видимъ: вершникъ во дворѣ вѣхалъ, весь закуржовѣлъ. По малости времени, пикетный дверь распахнулъ: „Алексѣичъ—говорить—живо бѣги верхи въ Арганаты летучку отдай пикетному.“—„Что вы, говорю, Иванъ Андреичъ? на дворѣ месь почало: ѣхать опасно!“ — „Ничего — говорить—сбирайся живѣ: вишь, два пера припечатаны!“

„Признаться, въ та поры лапотинка была у меня какъ есть исправная; конь — одно слово: бѣгунецъ первѣйшій. Что же, думаю, Господь не попуститъ, свинья не съѣстъ. Поѣхалъ. Сперва побѣжалъ шибко: уйти хотѣлось отъ непогоды. Запримѣтилъ, что съ Балхаша дуетъ. Много должно ужъ проѣхалъ, а тутъ вѣтеръ съ другой стороны поворачивать сталъ и погналъ по степи снѣгъ съ Тарабагатая. Самый подлый этотъ вѣтеръ есть: завсегда буранъ нагонитъ. Только подумалъ про себя это самое, повалилъ снѣжище. Замело, замело, замело, и сверху, и съ боковъ, и снизу — свѣта Божьяго не видно. Наступила стужа великая, даже окоченѣлъ весь. Вотъ я погрѣться, вотъ похлопывать, вотъ шевелиться—вижу, нейметъ. Плохо это дѣло, когда стужа осилитъ, даже нутро болить. А тутъ еще вѣтеръ съ разныхъ сторонъ вихремъ схватывается, въ воздухѣ замутило, глаза снѣгомъ захлестываетъ....

„До той поры по памяти ѣхалъ, а какъ дорогу перемело совсѣмъ, далъ коню поводья; не то, думаю, пусть онъ дорогу отыщеть, не то не знаю, что и будетъ.... Проваливались мы, вто, по сугробамъ, проваливались, давно ночь на дворѣ, а буранице дуетъ, что есть силы, и конца краю ему не видно. Не былъ я тогда еще пужанъ, иначе страхъ разбирать сталъ. Что жъ? долго ли до грѣха? вѣдь всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.

„Была у меня старушонка—мать, дай ей Богъ царство небесное: какъ въ степь отпускала, много будетъ лѣтъ тому, ладонкою благословила, а въ той ладонкѣ тропарь смоленской

Божіей Матери зашить былъ. Помоложе былъ тогда: грѣшный человѣкъ—Бога не часто вспоминавалъ; а тутъ, какъ замѣнѣе находить стало, пришла мнѣ въ голову материнская молитва. Сошелъ я съ коня, хотѣлъ тропарь вспоминать.... Чудное дѣло тутъ сдѣлалось.... Должно, молитвы матушки дошли до Владычицы.... Буранъ такъ и рветъ и воетъ; снѣгъ шумить, пере-сыпается: и сквозь тотъ шумъ слышу матушкинъ голосъ, боже-скія слова мнѣ говорить. Я даже затрясся весь и будто сталъ повторять: „не имама иныя помощи, не имама иныя надежды, развѣ тебѣ, Богородица“.... Обомлѣлъ совсѣмъ.... Только сѣлъ на снѣгъ, почала стужа изъ нутра выходить, словно потеплѣло; страхъ отпущать сталъ, и сдѣлалось мнѣ столь покойно и хорошо, будто послѣ охоты на нарахъ лежу.... потомъ заснулъ, что ли?...

„Ребята послѣ сказывали: буранъ поутру унялся. Выгнали табунъ въ степь. Въ скорости бѣжить назадъ пастухъ Ахметка. „Бѣда—говорить—Алексѣича лошадь одна въ полѣ стоитъ.“ Побѣжали казаки розыскивать, да и меня изъ-подъ сугроба вытащили. И какъ это только вышло? Ыхалъ я, ѣхалъ, а много коли трехъ верстѣ до Ащи-Булака не доѣхалъ....“

Бѣда отъ Семипалатинска до Омска удобнѣе, чѣмъ до Вѣрнаго. Дорога хороша; везуть скоро. Холодъ только ужасъ какой. Впрочемъ, 25° мороза въ началѣ декабря не считаютъ въ Сибири большою „стужею“.

— Ну, матушка, говорилъ я старушкѣ-хозяйкѣ на станціи Соленной, заказывая ей самоваръ. — Хороша ваша Сибирь! экій вѣдь холодище!

— Видишь самъ, какая у насъ Сибирь есть: не мшонная, студенная; а все же дѣло рукъ Господнихъ. Только теперь ты, баринъ, напрасно жалишься. Не время еще холоду. Какъ по вашему?... По нашему отъ Спиридона-солнцеворота только стужа наступить. Отъ Спиридона-то солнце пойдетъ на лѣто, а зима на морозъ.

Напророчила старуха: съ 12-го декабря (день св. Спиридона) грянули такіе морозы, что страхъ: такъ и обжигаетъ все лицо, будто огнемъ. Утѣшительно то, покрайней мѣрѣ, что подобные морозы въ степи всегда сопровождаются полнѣйшимъ штилемъ: оттого страдаешь меньше, чѣмъ при сравнительно высшей температурѣ, сопровождаемой вѣтромъ. Кромѣ безвѣтрія, сильный морозъ въ степи сопровождается всегда гус-

тымъ туманомъ. Кажется, будто весь воздухъ обращается тогда въ иней. Мелкія чуть замѣтныя снѣжинки играютъ въ воздухѣ и дѣлаютъ его непроницаемымъ; только по большому или меньшему ихъ освѣщенію судишь о томъ, закрыто ли солнце, или нѣтъ.

Было больше 30° мороза, когда мы вѣзжали въ Омскъ. Глазъ, привыкшій въ семь мѣсяцевъ къ безпредѣльному горизонту, отсутствію гражданской жизни на европейскій ладъ, былъ пораженъ теперь городомъ, вообще говоря, бѣднымъ и дряннымъ. Церкви, минареты, каменные дома, лавки, опрятность на улицахъ, опрятные костюмы проѣзжихъ и прохожихъ, сытыя лошади, все это поражало теперь какъ образцы высокой цивилизаціи. Недаромъ средне-азіятцы считаютъ грязную Бухару послѣднимъ словомъ человѣческаго развитія.

А. К. ГЕИНСЪ.